

Тридцать потрясающих лет

ПАМЯТИ МАЭСТРО

Мы познакомились с Тами, вдовой выдающегося дирижера Юрия Арановича, накануне концерта в честь его 75-летия в ярославской филармонии. В фойе проходила встреча поклонников гениального музыканта. Имя Тами то и дело звучало рядом с именем великого дирижера. Многие знали о необыкновенно красивой любви, которая связывала этих людей.

Конечно, эта тема не могла обойтись без легенд. Кто-то рассказывал, что приехавший в Иерусалим Аранович случайно встретил девушку в военной форме с автоматом в руках, влюбился и сделал ей предложение.

— Это версия или так все и было? — спросила я Тами.

— Я действительно проходила службу в армии и из автомата стрелять могла. Но когда Юрий Михайлович приехал в Израиль, я уже закончила военную службу и поступила в университет на факультет журналистики. Мне от газеты «Новые репатрианты Израиля» дали учебное задание — сделать интервью с одним человеком. Я опоздала, все места были заняты, и села прямо на ковер. Вдруг подошел ко мне незнакомый мужчина и предложил свой стул. Чуть позднее мы разговорились, и новый знакомый — это был Юрий Михайлович — пригласил меня на свой завтрашний концерт. Я отказалась, потому что уезжала с родителями на море. К тому же фамилия Аранович мне тогда ничего не говорила. А вечером к моим родителям случайно зашел сосед и с восторгом рассказал, что из Москвы в Израиль приехал невероятно талантливый дирижер. «Как его зовут?» — поинтересовалась я. Тут и выяснилось, что это он приглашал меня на свой концерт. На следующий день я надела самое красивое платье — белое с розами — и отправилась в концертный зал. Исполняли Шестую симфонию Чайковского. Это было потрясающе. После окончания концерта три тысячи зрителей так аплодировали и топали ногами, что, казалось, обрушится кровля зала.

Юрий увидел меня и пригласил на следующий концерт — уже не на свой, с другим дирижером. А после концерта предложил зайти к нему домой. «Что вы, ни в коем случае, мы почти не знакомы», — ответила я.

фото Вячеслава ЮРАСОВА

Он рассмеялся: «Хорошо принимаю вас, но вам нечего опасаться».

И мы пришли в крошечную пустую квартирку, какие временно выделяли иммигрантам. Вся она была завалена нотами, из мебели стояла одна табуретка, а на ней — бутылка коньяка и банка соевых огурцов.

Мы сели на пол. С табуретки упал и разбился один из стаканов. «К счастью», — сказал Аранович. И без всяких предисловий продолжил: «Не согласитесь ли вы стать моей женой?»

«Да, конечно», — ответила я. И он включил старенький магни-

тофон с «Пиковой дамой». В тот день Юрию Михайловичу исполнилось 40 лет.

— И что было дальше?

— Было тридцать потрясающих, невероятно счастливых лет. После первого заграничного концерта в Кельне — в Советском Союзе Аранович был невыездным музыкантом — к нему пришла слава, его стали приглашать по всему миру. Я объехала с ним множество стран, что помогло мне выучить семь языков. Юрий везде оставлял очень яркое впе-

разом проститься с ним. Мы наняли гондолу, приплыли на Большой канал, положили на воду расправленный фрак и молча стали смотреть, как он медленно уходил в глубину. Пусть останется в Венеции, где похоронены Страдивари, Доницетти и другие гении, сказал муж. Когда я вспоминаю об этом, то всегда плачу.

— А история с жемчужным пингином?

— Аранович не любил бабочку, говорил, что она сдавливает горло. И однажды в Германии в маленькой лавке я увидела брошь: черно-белого пингина с большой жемчужиной. Он напоминал дирижера во фраке, и я немедленно купила его. Юрию пингвин так понравился, что он назвал его талисманом и выходил с ним на каждый концерт. А среди музыкантов сложилось поверье — если перед выступлением с разрешения маэстро прикоснуться к жемчужине — успех обеспечен.

— Каково вообще женщине жить под одной крышей с гением?

— Юрий Михайлович в быту был самым неприятным человеком. Из еды предпочитал селедку с картошкой. Не сердился, если мне что-то не удавалось приготовить. Любил, чтобы мы одинаково одевались — на фотографиях мы часто в одинаковых клетчатых рубашках. Обрушившаяся слава ни в чем не изменила его, он всегда был доступен, вежлив, внимателен к людям.

— Многие говорят о секретах маэстро в его управлении оркестром. В чем они заключались?

— Он всегда разрабатывал три типа интерпретации произведения, и музыканты, выходя на концерт, не знали, какой из них предложит маэстро. А поэтому были предельно внимательны, концентрировали свое внимание на дирижере, не скушали. Он был отличный психолог. Никогда не унижал человека, к каждому музыканту имел персональный подход. Принимая очередное приглашение, всегда интересовался программой и количеством репетиций. Никогда не спрашивал о гонораре.

Когда после окончания программы публика устраивала ему овацию, он брал в руки партитуру и поднимал ее над головой, показывая, что успех — достижение композитора, а он и оркестранты — только исполнители. Когда ему дарили цветы, он все их отдавал музыкантам.

Беседовала
Инна КОПЫЛОВА.

чатление своим высоким профессионализмом и артистизмом, магнетизмом личности.

— А эти истории, похожие на сказку, например, о подаренном ему Эмилем Гилельсом фраке, были на самом деле?

— Дружба Арановича и Гилельса продолжалась многие годы. После одного из концертов он действительно подарил Юрию свой фрак. Аранович долго именно в нем выходил на сцену. Но всему приходит конец — материя обветшала. Просто вытереть его рука не поднималась. И, когда мы были в Венеции, Юрий предложил мне необычным об-